

страны и, наконец, в отречении значительной части Франции от христианства. Рассказать эту обширную работу, со всей борьбой, вызванной ею на местах, будет делом будущих историков. Все, что мы теперь можем сделать, - это только указать на некоторые выдающиеся черты этого бурного времени.

Первой действительно революционной мерой, принятой после 31 мая, был *принудительный заем у богатых* на покрытие военных издержек. Положение казначейства было самое жалкое. Война требовала громадных расходов, а ассигнации, выпущенные в больших количествах, уже падали в цене. Новые налоги, если их наложить на массу населения, ничего не могли бы дать. Оставалось, следовательно, одно - налагать подати на богатых. И мысль о насильственном займе в 1 млрд. ливров - мысль, между прочим высказанная уже во время министерства Неккера, в самом начале революции, назревала в умах.

Когда мы читаем теперь то, что писали современники, как революционеры, так и реакционеры, о тогдашнем положении Франции, мы приходим к убеждению, что всякий республиканец, каковы бы ни были его понятия о собственности, неизбежно должен был прийти к мысли о насильственном займе. Другого выхода не представлялось. Но когда этот вопрос был поднят в Конвенте 20 мая и даже умеренный Камбон высказался за такой заем, жирондисты, тогда еще в силе, напали на защитников займа с невероятной яростью, так что вызвали в заседании Конвента отвратительную сцену.

Все, чего удалось добиться 20 мая, было принятие мысли о займе в принципе. Что же касается до способов приведения ее в исполнение, об этом решили рассуждать впоследствии или никогда, если бы жирондистам удалось послать монтаньяров под гильотину.

Зато в первую же ночь после исключения главных жирондистов из Конвента Парижская коммуна постановила, что декрет, определяющий максимум цен на съестные припасы, будет немедленно приведен в исполнение, что немедленно будет приступлено к вооружению граждан, что принудительный заем будет взыскан и что будет набрана революционная армия, составленная из всех граждан, способных нести оружие, но не допуская до офицерских должностей никого из «бывших» (*ci-devant*), т. е. из бывших дворян, из аристократов.

Конвент, со своей стороны, стал действовать в том же направлении, и 22 июня 1793 г. он обсуждал доклад Реаля, которым определялись основные начала принудительного займа. «Необходимый» доход определен был в 3 тыс. ливров для отца семейства и в 1500 ливров для холостого, и такой доход вполне освобождался от займа. «Обильные» же доходы, свыше «необходимого», вплоть до доходов в 10 тыс. ливров для отцов семейства, несли налог в возрастающей прогрессии. Если же годовой доход превосходил этот предел, он рассматривался уже как «излишний», и весь избыток брался в заем. Этот принцип и был принят; только Конвент в своем декрете от 22 июня повысил цифру необходимого, доведя ее до 6 тыс. ливров для холостых и до 10 тыс. для отцов семейства¹.

Скоро оказалось, однако, что, придавая большое значение принудительному займу и надеясь получить этим путем 1 млрд. ливров, демократия преувеличивала число богатых людей и их богатства. В августе стало ясно, что в сущности заем даст очень немного: менее 200 млн.²; потому 3 сентября Конвент должен был пересмотреть свой декрет 22 июня. Он установил цифру *необходимого* в 1 тыс. ливров для холостых и в 1500 для женатых с прибавкой 1 тыс. ливров для каждого члена семейства. На *обильные* доходы, вплоть до 9 тыс. ливров, налагался прогрессивный налог, возрастающий от десятой части до половины дохода. Доходы же свыше 9 тыс. ливров облагались так, чтобы, каков бы ни был доход богача, ему не оставалось больше 4500 ливров дохода в придачу к сейчас упомянутому *необходимому*. Это был, впрочем, не постоянный налог, а *единовременный принудительный заем*, на один только раз, в силу необычайных условий.

Поразительно одно, и это доказывает бессилие парламентов. Никогда не существовало правительства, внушавшего более страха подданным, чем Конвент во время II года республики. А между

¹ Я следую здесь сочинению Рене Штурма (*Stourm R. Les finances de l'ancien regime et la Revolution*, v. 1-2. Paris, 1885, v. 2, p. 369 et suiv.). Прения в Конвенте были очень поучительны. Камбон, когда он внес этот вопрос на обсуждение 29 мая 1793 г., говорил: «Я хотел бы, чтобы Конвент открыл гражданский заем в 1 млрд., который внесли бы богатые и равнодушные... Ты богат, ты держишься воззрений, которые нас вводят в расходы, — так я хочу приковать тебя против твоей воли к революции: я хочу, чтобы ты одолжил свое состояние республике». Марат, Тюрио и Матье поддерживали проект; но он встретил отчаянное сопротивление со стороны жирондистов. Любопытно отметить, что почин и пример такого займа шли из департамента Nerault. Камбон упоминает об этом в своей речи. Коммунист Жак Ру (см. дальше) в секции Гравилье советовал заключить такой «заем» уже 9 марта.

² *Stourm R. Op. cit.* v. 2, p. 372, note.